

RUSSIAN SONGS

Alexandra
Durseneva

VLADIMIR SLOBODYAN, *piano*
LYUBOV ORFENOVA, *piano*

Я выражаю глубокую признательность своим друзьям Ольге и Александру Дунаевским за щедрую поддержку при издании этого альбома.

Мне очень повезло, что рядом со мной есть такие музыканты, как Любовь Орфёнова и Владимир Слободян. Я признательна Шейле Сим за перевод текстов романсов на английский язык. Отдельная благодарность Сергею Табунову за фотоискусство и уникальный взгляд на наш мир.

Огромное спасибо всем друзьям и соратникам!

Ваша Александра Дурсенева

*Alexandra
Durseneva*

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

«Ее пение — это ток высокого напряжения.
Это монолог души...»

Михаил Казиник

Что подразумевает под собой понятие «русский голос»? Силу, глубину, сочность, теплоту. Именно такой у Александры Дурсенева, обладательницы низкого, густо окрашенного меццо-сопрано, переходящего в контральто. Основа ее репертуара — русская музыка: Ваня в «Иване Сусанине» Глинки, Марфа в «Хованщине» Мусоргского, Любаша в «Царской невесте» и Весна в «Снегурочке» Римского-Корсакова, Басманов в «Опричнике» и Графиня в «Пиковой даме» Чайковского, Клариче в «Любви к трем апельсинам» Прокофьева. Представленные в Большом театре, эти партии сделали исполнительскую манеру и голос Александры Дурсенева узнаваемыми и любимыми публикой.

В труппе Большого она появилась двадцать лет назад, тогда же были одержаны важные победы: Александра Дурсенева стала лауреатом Международного конкурса вокалистов имени Глинки (1993) и Международного конкурса имени Монюшко в Варшаве (1995), получила первую премию на конкурсе камерных певцов «Янтарный соловей» в Калининграде (1994). С 1995 г. певица активно выступает в ведущих оперных театрах мира. Среди ее ролей Амелфа в «Золотом петушке» Римского-Корсакова в Ковент-Гарден, Марта в «Иоланте» Чайковского в Ла Скала, Дуэнья в «Обручении в монастыре» Прокофьева на фестивале в британском Глайндборне и в оперном театре Валенсии.

Параллельно с работой в опере Александра Дурсенева не забывает камерный жанр, принесший ей когда-то победы на конкурсах. Певица с успехом исполняет вокальную музыку Шумана, Брамса, Вагнера, Дворжака, Прокофьева, Юровского, Минкова, но важное место в программах занимают русские романсы, в которых раскрывается ее эмоциональность, проницательность, высокое мастерство. «Петь

русскую камерную музыку для меня даже сложнее, чем западную, — говорит Александра Дурсенева. — Русский романс — это и поэзия, и музыка, и то, что должен сказать именно ты».

С конкурсной поры продолжается сотрудничество певицы с калининградским пианистом Владимиром Слободяном, пропагандистом камерного музицирования, выступавшим с Еленой Образцовой, Марией Биешу, Бэлой Руденко, Ольгой Бородиной, создателем и исполнителем уникального концертного цикла «Антология мирового романса», включающего в себя около 1000 произведений. В ансамбле со Слободяном (запись 1994 г.) на диске исполняются три произведения. Остальные исполнены и записаны вместе с пианисткой Любовью Орфёновой, с которой певицу также связывает многолетнее сотрудничество. Орфёнова — один из самых востребованных русских коучей, педагогов по языку, без которых не обходятся сегодня серьезные постановки русских опер на ведущих мировых сценах. Кроме того, Любовь Орфёнова — активно концертирующая пианистка, выступающая с такими певцами, как Сергей Лейферкус, Виталий Таращенко, Елена Прокина.

По словам певицы, «произведения классического искусства и, в частности, романсы, звучащие в этом альбоме, велики тем, что являют собой квинтэссенцию человеческой истории. Проходят столетия, наполненные страстями, войнами, революциями, взлетами и падениями, и сегодня ты слушаешь эти романсы и слышишь в них отзвуки всего, что происходит с нами, и всего, что будет происходить».

Екатерина Бирюкова

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

Весь XIX век прошел в русской музыке под знаком романса. Возникнув на заре столетия, в эпоху сентиментализма, под видом незатейливо-приятных «российских песен», этот жанр обрел в творчестве Алябьева, Варламова и Гурилева невероятное богатство образов, форм и разновидностей, достиг совершенства в сочинениях Глинки, был наделен психологической выразительностью в музыке Даргомыжского. Во второй половине века наиболее популярным среди всех видов камерно-вокальной лирики оставалась элегия. Авторы наделяли ее чертами крестьянской песенности, приближали к драматической сцене или же превращали в сосредоточенное внутреннее размышление, но русский романс всегда оставался лирическим дневником, открывающим самые личные, интимные «портретные черточки» композиторской индивидуальности.

Один из популярнейших романсов Антона Григорьевича Рубинштейна «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый, и томный») основан на юношеской фортепианной пьесе композитора. Простая, безыскусная мелодия как будто «вслушивается» в пушкинский стих, постепенно обретая большую свободу и выразительность, чтобы в последних тактах раствориться в восторженной кульминации любовного чувства.

Творчество Модеста Петровича Мусоргского занимает в русской музыке особую нишу. Не является исключением и вокальная лирика композитора, стремившегося вслед за «великим учителем музыкальной правды» Даргомыжским максимально воплотить интонации человеческой речи. «Где ты, звездочка?» (1858) – первый романс автора, открывающий сборник «Юные годы», здесь Мусоргский еще целиком находится под обаянием протяжной русской народной песни. «По-над Доном сад цветет...» (1867) уже написан автором ярких, жизненно правдивых вокальных «народных картинок» и представляет собой необычный сплав лирической зарисовки, «городской» песни и жанровой сценки с налетом добродушного юмора.

Уже зрелым, сформировавшимся художником предстает в своих первых романсах, сочиненных в 1860-х годах, Александр Порфирьевич Бородин. Драматический монолог «Отравой полны мои песни» и краткий психологический эскиз «Фальшивая нота» свидетельствуют о сильном влиянии творчества Шумана, которое испытал на себе автор «Князя Игоря», об унаследованном от немецкого мастера умении раскрывать самые сложные душевные состояния. Романс «Для берегов отчизны

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

дальной» (1881), написанный вскоре после смерти Мусоргского – своего рода «траурная элегия», проникнутая глубокой скорбью, она заставляет вспомнить о трагических образах страниц музыки И.С. Баха.

Многочисленные романсы Николая Андреевича Римского-Корсакова отражают этапы творческой эволюции автора. Одно из первых его сочинений *«На холмах Грузии...»* (1866) – музыкальное воплощение пушкинского лирического раздумья на фоне ночного горного пейзажа, в котором соединились общие увлечения балакиревского кружка «русским Востоком», гармонической красочностью и свойственное молодому автору сочетание ариозной и декламационной выразительности. Сдержанная элегия *«О чем в тиши ночей»* и бурный, взволнованный романс *«Вздымаются волны»* из цикла *«У моря»* были написаны в 1897 г. в период повышенного интереса Римского-Корсакова к жанру романса, в котором вырабатывались новые черты вокального стиля композитора (его кульминацией станет опера *«Царская невеста»*).

И все же первенство в русской вокальной лирике второй половины столетия принадлежит Петру Ильичу Чайковскому. Не будет преувеличением сказать, что все творчество автора *«Евгения Онегина»* и *«Пиковой дамы»*, связанное с воплощением душевных переживаний «лирического героя» эпохи, пронизано песенно-романсовыми интонациями. *«Мой гений, мой ангел, мой друг»* – первое дошедшее до нас сочинение композитора, проба пера семнадцатилетнего студента училища правоведения, вряд ли всерьез думающего о своей будущей композиторской карьере. Более чем скромный по музыкальным средствам романс привлекает искренней открытостью лирического чувства. *«Примирение»* (*«О, засни, мое сердце, глубоко!»*, 1873) – один из самых драматичных, эмоционально захватывающих образцов камерно-вокального творчества Чайковского, возвышающий популярный в то время тип «цыганского романса» до глубин трагического обобщения. Колыбельная *«Усни, печальный друг»* из широко известного романсового опуса 47 (1880) скрывает под оболочкой умиротворенного покоя страдание человеческой души, разочарованной в лицемерии окружающего мира.

Преемником традиций Чайковского в вокальной лирике стал Сергей Васильевич Рахманинов – жанр романса привлекает его с первых лет творческого пути. Обогатив его свободой и «концертной» яркостью фортепианной партии, новой поэтической образностью XX века, Рахманинов оставался проникновенным лириком,

Владимир Слободян / Vladimir Slobodyan

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

тонким поэтом человеческой души. Уже в романсах раннего периода раскрываются наиболее яркие черты его «авторского лица». Взволнованный, патетический романс-призыв *«Пора! Явись, пророк...»* из соч. 14 (1896), подобно другим, более поздним сочинениям Рахманинова, звучит как предвосхищение грядущих потрясений России. Среди романсов соч. 26, законченных 10 лет спустя, выделяется декламационный монолог *«Мы отдохнем»* на прозаический текст Чехова (отрывок из пьесы *«Дядя Ваня»*), с особой чуткостью воплотивший его своеобразную музыкальность. *«Все отнял у меня»* — образец краткого, но эмоционально насыщенного ариозо, раскрывающего драматизм лаконичного «отрывка» Тютчева.

Современник Рахманинова Николай Карлович Метнер также проявил себя как выдающийся пианист и фортепианный композитор. Однако многие из многочисленных романсов Метнера не уступают по оригинальности его сочинениям для фортепиано. *«Испанский романс»* на многократно воплощенные русскими композиторами пушкинские стихи (*«Ночной зефир струит эфир...»*) и романс *«Бессонница»* на философское стихотворение Тютчева были сочинены в 1918–1920 гг. В это тяжелое время гибели старой России, с которой отождествляли себя и Рахманинов, и Метнер, автор сознательно обращается к классической русской поэзии и черпает духовные силы в традиции русского романса XIX в.

Борис Мукосей

RUSSIAN SONGS. ALEXANDRA DURSENEVA

«Her singing is high voltage current.
It's a monologue of a soul...»

Mikhail Kazinik

What does the notion of “Russian voice” imply? Strength, depth, sappiness, warmth. This is exactly what can be said about the voice of Alexandra Durseneva, an owner of a deep, densely coloured mezzo-soprano passing into a contralto. Russian music is a foundation of her repertoire – Vanya in Glinka’s *Ivan Susanin*, Marfa in Mussorgsky’s *Khovanshchina*, Lyubasha in *The Tsar’s Bride* and Spring Beauty in *The Snow Maiden* by Rimsky-Korsakov, Basmanov in *The Oprichnik* and the Countess in *The Queen of Spades* by Tchaikovsky, Clarice in *The Love for Three Oranges* by Prokofiev. Presented at the Bolshoi Theatre, these parts made Alexandra Durseneva’s performing manner and voice recognizable and loved by the audience.

She entered the Bolshoi company twenty years ago, at the time when she gained important victories. She was a prize winner at the 1993 International Glinka Vocalists Competition and the Moniuszko Voice Competition in Warsaw in 1995 and received the first prize of the Amber Nightingale Chamber Vocalists Competition in Kaliningrad in 1994. The singer has actively performed at the world’s leading opera houses since 1995. She has sung the parts of Amelfa in Rimsky-Korsakov’s *Golden Cockerel* at Covent Garden, Marta in Tchaikovsky’s *Iolanta* at La Scala, and the Duenna in Prokofiev’s *Betrothal in a Monastery* at the Glyndebourne Festival and at the Valencia Opera House.

Being an opera singer, Alexandra Durseneva has never been a stranger to chamber music, a genre that brought her victories at the competitions. The singer performs vocal music by Schumann, Brahms, Wagner, Dvořák, Prokofiev, Yurovsky and Minkov,

Любовь Орфёнова / Lyubov Orfenova

RUSSIAN SONGS. ALEXANDRA DURSENEVA

but Russian romances also rank high in her programmes where she unveils her emotionality, keen insight and high mastery.

“To me, singing Russian chamber music is even more complicated than Western one. Russian romance is both poetry and music, and something that should be told by you and no one else,” Alexandra Durseneva says.

The singer has collaborated with Vladimir Slobodyan, a pianist from Kaliningrad, since she participated in the competitions. Slobodyan is an advocate of chamber music, has performed with Elena Obratsova, Maria Bieșu, Bella Rudenko and Olga Borodina, a creator and performer of the unique concert cycle *Anthology of World Romance*, which includes about a thousand of works. Three pieces on the album recorded in 1994 are performed with Slobodyan. The remaining tracks were performed and recorded with pianist Lyubov Orfenova, another long-term collaborator of the singer. Orfenova is one of the most asked-for Russian coaches and language consultants without whom no serious production of Russian operas on the leading world stages can do today. In addition, Lyubov Orfenova is an active concert pianist who has performed with singers such as Sergei Leiferkus, Vitaly Tarashchenko and Elena Prokina.

According to the singer, *“the classical works, including romances, featured on this album are great because they are the quintessence of human history. Centuries pass, they are filled with passions, wars, revolutions, rises and falls, and today you listen to these romances and hear echoes of everything that happens to us and everything that will happen.”*

Ekaterina Biryukova

The entire 19th century in Russian music was signified by romance. The genre that emerged at the dawn of the century, in the era of sentimentalism, under the guise of unpretentiously pleasant “Russian songs,” gained an incredible wealth of characters, forms and varieties in the music of Alyabiev, Varlamov and Gurilev, achieved perfection in Glinka’s pieces and was endowed with psychological expressiveness in Dargomyzhsky’s music. In the second half of the century, elegy remained the most popular among all other kinds of chamber vocal lyric compositions. The authors would give it traits of peasant songs, bring it nearer to dramatic scene or turn it into concentrated inner reflection, but Russian romance always stayed a lyrical diary that unveiled the most personal, intimate “portrait features” of the composers’ individuality.

The Night (My voice, gentle and languorous for you), one of the most popular romances of Anton Rubinstein, was based on the composer’s early piano piece. A simple and artless melody as if listens attentively to Pushkin’s verses, gradually gaining more freedom and expressiveness to vanish in a rapturous climax of the loving feeling in the concluding bars.

Modest Mussorgsky’s compositions find a special niche in Russian music. The composer’s vocal lyrical pieces are no exception as he strived to realize intonations of human speech as much as possible following Dargomyzhsky, “the great teacher of musical truth.” *Where Are You, Little Star* (1858) was the composer’s first romance that opened the collection *Youthful Years*, written in a period when Mussorgsky was still totally charmed with drawling Russian folk song. *By the Don a Garden Blooms* (1867) was already written by the author of vivid and realistic vocal “folk pictures” and offers an unusual fusion of a lyrical sketch, a “city” song and a genre scene with a touch of good-natured humour. Alexander Borodin appears an already mature artist in his first romances composed in the 1860s. A dramatic monologue of *My Songs Are Full of Poison* and a short psychological sketch of *A False Note* are evidence of Schumann’s strong influence experienced by the author of *Prince Igor*, and also of the ability to unveil the most complicated emotional states that was inherited from the German master. The romance *For the Far Shores of Your Homeland* (1881) that was written shortly after

RUSSIAN SONGS. ALEXANDRA DURSENEVA

Mussorgsky's death is a sort of a funeral elegy imbued with deep sorrow. It makes us recollect the tragic pages of J.S. Bach's music.

Nikolay Rimsky-Korsakov's numerous romances reflect the periods of the composer's artistic evolution. *On the Hills of Georgia Lies the Evening Shade* (1866), one of his first pieces, is a musical implementation of Pushkin's lyrical thoughts on the background of a mountainous landscape by night which blends the Balakirev Circle's common liking for "Russian Orient," harmonious brilliance and the combination of arioso and declamatory expressiveness that was characteristic for the young composer. A reserved elegy of *In the Quiet of the Night* and a stormy, agitated romance of *The Waves Surge Like Mountains* from the cycle *By the Sea* were composed in 1897, in a period of Rimsky-Korsakov's heightened interest in the genre of romance where the composer developed new features of his vocal style (his opera *The Tsar's Bride* became its culmination).

And still Pyotr Tchaikovsky takes precedence over the others in Russian vocal lyricism of the second half of the century. It is not an overstatement to say that song and romance intonations run through the entire creative work of the author of *Eugene Onegin* and *The Queen of Spades* that was linked with realization of the emotional experience of the era's lyrical hero. *My Genius, My Angel, My Friend* is the composer's first known piece, a test of the pen from then a seventeen-year-old student of a law college who was hardly thinking of his prospective composing career in earnest at the time. The openness of lyrical feeling attracts to this romance that was written with more than modest musical means. *Reconciliation (O sleep, my heart, sleep deeply!)* (1873) is one of the most dramatic and emotionally captivating examples among Tchaikovsky's chamber vocal works that elevated the then popular type of "gypsy romance" to the heights of tragic generalization. The lullaby *Sleep, Poor Friend* from a widely known romance Op. 47 (1880) conceals suffering of a human soul disappointed with hypocrisy of the world underneath the cover of quiet peace. Sergei Rachmaninoff was a successor of Tchaikovsky's traditions in vocal lyricism. He was attracted to the genre of romance since the first years of his career. Enriching it with freedom, concerto

quality brilliance of the piano part and new poetic figurativeness of the 20th century, Rachmaninoff remained a sincere lyric composer and delicate poet of human soul.

The romances of his early period already expose the brightest features of his own style. An anxious and emotional appeal romance *It Is Time (It is time! Show yourself, prophet!)* from Op. 14 (1896), like Rachmaninoff's other, later pieces, foretells the coming perturbations of Russia. Among the romances of Op. 26 that was finished ten years later, we single out a declamatory monologue of *We Will Rest* based on Chekhov's prosaic text from *Uncle Vanya* which renders its peculiar musicality with special sensitiveness. *A Vengeful God Has Taken Everything from Me* is an example of a short yet emotionally rich arioso that exposes the dramatic qualities of Tyutchev's laconic "passage."

Rachmaninoff's contemporary Nikolay Medtner also showed his worth as a talented piano composer and pianist. However, many of Medtner's numerous romances are as original as his piano works. He composed *Spanish Romance* to Pushkin's poem repeatedly used by Russian composers (*The night zephyr stirs the air*) and *Insomnia* to Tyutchev's philosophical poem in 1918 to 1920. In the hard times of the demise of the old Russia that both Rachmaninoff and Medtner identified themselves with, the composer conscientiously turned to classical Russian poetry and derived spiritual strength from the tradition of 19th century Russian song.

Boris Mukosey

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

Пётр Чайковский	
1	«Мой гений, мой ангел, мой друг» (Афанасий Фет) 1.48
2	«Примирение», соч. 25 № 1 (Николай Щербина) 5.31
3	«Усни, печальный друг», соч. 47 № 4 (Алексей Толстой) 4.33
Николай Римский-Корсаков	
4	«На холмах Грузии лежит ночная мгла», соч. 3 № 4 (Александр Пушкин) . 2.03
5	«О чём в тиши ночей», соч. 40 № 3 (Аполлон Майков) 1.55
6	«Вздываются волны», соч. 46 № 5 (Алексей Толстой) 2.14
Александр Бородин	
7	«Отравой полны мои песни» (Лев Мей по Генриху Гейне) 1.13
8	«Фальшивая нота» (Александр Бородин) 0.57
9	«Для берегов отчизны дальной» (Александр Пушкин) 4.07
Антон Рубинштейн	
10	«Ночь» (Александр Пушкин) 3.09
Модест Мусоргский	
11	«Где ты, звёздочка», из вокального цикла «Юные годы» (Николай Греков) .. 3.58
12	«По-над Доном сад цветёт» (Алексей Кольцов) 2.18
Николай Метнер	
13	«Испанский романс», соч. 36 № 4 (Александр Пушкин) 2.21
14	«Бессонница», соч. 37 № 1 (Фёдор Тютчев) 5.28
Сергей Рахманинов	
15	«Всё отнял у меня», соч. 26 № 2 (Фёдор Тютчев) 1.07
16	«Мы отдохнём», соч. 26 № 3 (Антон Чехов) 2.20
17	«Пора!», соч. 14 № 12 (Семён Надсон) 1.33

ОБЩЕЕ ВРЕМЯ ЗВУЧАНИЯ: 46.47

Александра Дурсенева, меццо-сопрано
 Владимир Слободян, фортепиано (1–3)
 Любовь Орфёнова, фортепиано (4–17) Записи 1994 (1–3) и 2014 (4–17) гг.

Pyotr Tchaikovsky	
1	<i>My Genius, My Angel, My Friend</i> (Afanasy Fet) 1.48
2	<i>Reconciliation</i> , Op. 25 No. 1 (Nikolay Scherbina) 5.31
3	<i>Sleep, Poor Friend</i> , Op. 47 No. 4 (Alexey K. Tolstoy) 4.33
Nikolay Rimsky-Korsakov	
4	<i>On the Hills of Georgia Lies the Evening Shade</i> , Op. 3 No. 4 (Alexander Pushkin) . 2.03
5	<i>In the Quiet of the Night</i> , Op. 40 No. 3 (Apollon Maykov) 1.55
6	<i>The Waves Surge</i> , Op. 46 No. 5 (Alexey K. Tolstoy) 2.14
Alexander Borodin	
7	<i>My Songs are Full of Poison</i> (Lev Mey, after Heinrich Heine) 1.13
8	<i>A False Note</i> (Alexander Borodin) 0.57
9	<i>For the Far Shores of Your Homeland</i> (Alexander Pushkin) 4.07
Anton Rubinstein	
10	<i>Night</i> (Alexander Pushkin) 3.09
Modest Mussorgsky	
11	<i>Where are You, Little Star</i> , Song Cycle "Youthful Years" (Nikolay Grekov) .. 3.58
12	<i>By the Don a Garden Blooms</i> (Alexey Koltsov) 2.18
Nikolay Medtner	
13	<i>Spanish Romance</i> , Op. 36 No. 4 (Alexander Pushkin) 2.21
14	<i>Insomnia</i> , Op. 37 No. 1 (Fyodor Tyutchev) 5.28
Sergei Rachmaninoff	
15	<i>A Vengeful God Has Taken Everything from Me</i> , Op. 26 No. 2 (Fyodor Tyutchev) . 1.07
16	<i>We Will Rest</i> , Op. 26 No. 3 (Anton Chekhov) 2.20
17	<i>It Is Time</i> , Op. 14 No. 12 (Semyon Nadson) 1.33

TOTAL PLAYING TIME: 46.47

Alexandra Durseneva, mezzo-soprano
 Vladimir Slobodyan, piano (1–3)
 Lyubov Orfenova, piano (4–17) Recorded in 1994 (1–3) and 2014 (4–17)

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

1

МОЙ ГЕНИЙ, МОЙ АНГЕЛ, МОЙ ДРУГ

Не здесь ли ты лёгкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...

Афанасий Фет

MY GENIUS, MY ANGEL, MY FRIEND

Are you not here like a light shadow,
My genius, my angel, my friend,
Are you not speaking to me in a whisper
As you gently soar above?
You give me timid inspiration
And heal my sweet affliction
And bestow on me peaceful dreams,
My genius, my angel, my friend...

Afanasy Fet

УСНИ, ПЕЧАЛЬНЫЙ ДРУГ

Усни, печальный друг, уже с грядущей тьмой
Вечерний алый свет сливается всё боле;
Блеящие стада вернулись домой,
И улеглася пыль на опустелом поле.

Да снидет ангел сна, прекрасен и крылат,
И да перенесёт тебя он в жизнь иную!
Издавна был он мне в печали друг и брат,
Усни, моё дитя, к нему я не ревную!

На раны сердца он забвение прольёт,
Пытливую тоску от разума отнимет
И с горестной души на ней лежащий гнёт
До нового утра незримо приподнимет.
Томимая весь день душевною борьбой,
От взоров и речей враждебных ты устала,
Усни, моё дитя, меж ними и тобой
Он благостной рукой опустит покрывало!

Алексей Толстой

SLEEP, POOR FRIEND

Sleep, poor friend, as the gathering darkness
Mingles with evening's crimson light;
The bleating flocks have returned home,
And dust has settled on the deserted field.

Now the angel of sleep flies down,
beautiful and winged,
To deliver you to another life!
In sadness he has long been friend
and brother to me,
Sleep, my child, I am not jealous of him!

On the heart's wounds he pours oblivion,
He washes melancholy from the mind
And by morning he will lift
The burden that lies on the sorrowful soul.
Tormented all day by spiritual struggle,
You are tired of hostile looks and talk,
Sleep, my child, between you and them
He will gently spread a veil.

Alexey K. Tolstoy

2

ПРИМИРЕНИЕ

О, засни, моё сердце, глубоко!
Не буди, не пробудишь, что было,
Не зови, что умчалось далёко,
Не люби, что ты прежде любило...
Пусть надеждой и лживой мечтой
Не смутится твой сон и покой.

Для тебя невозвратно былое,
На грядущее нет упования.
Ты не знало в блаженстве покоя,
Успокойся ж на ложе страданья
И старайся не помнить зимой,
Как срывало ты розы весной!

Николай Щербина

RECONCILIATION

O sleep, my heart, sleep deeply!
Do not wake: do not rouse the past,
Do not try to summon that which has flown far
away,
Do not love that which you loved before...
Let not hope and deceitful dreams
Disturb your sleep and peace.

For you the past is irretrievable,
There is no hope in things to come.
You did not know peace in bliss,
Be at rest on your bed of suffering
And try not to remember in winter
How you plucked roses in spring!

Nikolay Scherbina

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ ЛЕЖИТ НОЧНАЯ МГЛА

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,

ON THE HILLS OF GEORGIA LIES THE EVENING SHADE

On the hills of Georgia lies the evening shade;
Before me rushes the Aragva.
I am sad and yet at ease; my sorrow is bright;
My sorrow is full of you,
Full of you, only you... Nothing torments,
Nothing disturbs my despondency

МЕЛОДИЯ

3

4

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Александр Пушкин

And my heart burns and loves anew – because
It is unable not to love.

Alexander Pushkin

5 О ЧЁМ В ТИШИ НОЧЕЙ

О чём в тиши ночей таинственно мечтаю,
О чём при свете дня всечасно помышляю,
То будет тайной всем, и даже ты, мой стих,
Ты, друг мой ветреный, услада дней моих,
Тебе не передам души своей мечтанья,
А то расскажешь ты, чей глас в ночном
молчаньи
Мне слышится, чей лик я всюду нахожу,
Чьи очи светят мне, чьё имя я твержу.

Аполлон Майков

IN THE QUIET OF THE NIGHT

What I dream of secretly in the quiet of the night,
What I think of constantly in the light of day,
Will be a mystery to all, and even to you, my verse,
You, my flighty friend, delight of my days,
To you I will not impart the soul of my reverie,
In case you reveal whose voice I hear in the
silence of the night,
Whose face I find everywhere,
Whose eyes shine at me, whose name I repeat.

Apollon Maykov

6 ВЗДЫМАЮТСЯ ВОЛНЫ

Вздымаются волны как горы
И к тверди возносятся звёздной,
И с ужасом падают взоры
В мгновенно раскрытые бездны.
Подобная страсти, не знает
Средины тревожная сила,
То к небу, то в пропасть бросает
Ладью без весла и кормила.

Не верь же, ко звёздам взлетая,
Высокой избранника доле,

THE WAVES SURGE

The waves surge like mountains
And ascend to the starry firmament,
And gazes fall with terror
To the instantly rended depths.
This restless force, like passion,
Does not know a middle
It throws the boat, without oar or rudder,
First to the heavens then into the abyss.

But do not believe, soaring to the stars,
That you have been chosen for exalted fate,

Не верь, в глубину ниспадая,
Что звёзд не увидишь ты боле.

В стихии безбрежной наступит
Волненья затишье,
И вскоре в обычный
Свой уровень вступит
Души успокоенной море.

Алексей Толстой

ОТРАВОЙ ПОЛНЫ МОИ ПЕСНИ

Отравой полны мои песни,
и может ли иначе быть?
Ты, милая, гибельным ядом
сумела мне жизнь отравить.

Отравой полны мои песни,
и может ли иначе быть?
Немало змей в сердце ношу я
и должен тебя в нём носить.

Лев Мей по Генриху Гейне

ФАЛЬШИВАЯ НОТА

Она всё в любви уверяла.
Не верил, не верил я ей:
Фальшивая нота звучала
И в речи, и в сердце у ней;
И это она понимала...

Александр Бородин

Do not believe, falling into the depths,
That you will never see the stars again.

This ferment of boundless,
Unfathomable nature
Will ease, and soon
The sea will find its rightful level
With a quietened spirit.

Alexey K. Tolstoy

MY SONGS ARE FULL OF POISON

My songs are full of poison,
How could it be otherwise?
You, my dear, with fatal venom
Have poisoned my life.

My songs are full of poison,
How could it be otherwise?
Many snakes I carry in my heart
And I must carry you there too.

Lev Mey, after Heinrich Heine

A FALSE NOTE

She assured me that she loved me,
But I did not, could not, believe her;
A false note sounded
In her voice and in her heart
And this she understood...

Alexander Borodin

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

9 ДЛЯ БЕРЕГОВ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладающие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».
Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где под скалами дремлют воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой –
Исчез и поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

Александр Пушкин

FOR THE FAR SHORES OF YOUR HOMELAND

For the far shores of your homeland
You left this foreign land;
In that unforgettable hour, that sorrowful hour,
I wept long before you.
My chilling hands
Tried to hold you back;
In the anguish of this terrible parting
My moan implored you not to leave.

But you tore your lips away
From our bitter kiss;
And from this land of gloomy exile
You called me to an alien land.
You said, "On the day we see each other again
Beneath an eternally blue sky,
In the shade of the olive trees, our loving kisses
Will unite us again, my friend".
But there, alas, where the heavens
Shine in blue splendour,
Where the waters drowse beneath the cliffs,
You fell into your final sleep.
Your beauty, your suffering
Have vanished into the tomb –
And with them our reuniting kiss...
But I await it; it is still to come...

Alexander Pushkin

Близ ложа моего печальная свеча горит;
Мои стихи текут, сливаясь и журча,
Текут ручьи любви, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг...
Люблю... твоя... твоя!..

Александр Пушкин

Near my bed a mournful candle
Burns; my verses, mingling and murmuring,
Flow in streams of love, flow full of you.
In the dark your eyes shine in front of me,
They smile at me, and I hear sounds:
My friend, my dear friend... I love...
I am yours... I am yours!

Alexander Pushkin

ГДЕ ТЫ, ЗВЁЗДОЧКА

Где ты, звёздочка?
Где ты, ясная?
Иль затмилася тучей чёрною,
Тучей чёрною,
Тучей грозною?

Где ты, девица,
Где ты, красная?
Иль покинула друга милого?
Друга милого,
Ненаглядного?

Туча чёрная
Скрыла звёздочку,
Земля хладная
Взяла девицу.

Николай Греков

WHERE ARE YOU, LITTLE STAR

Where are you, little star?
Where are you, my bright one?
Maybe a dark cloud hides you,
A dark cloud,
A stormy cloud?

Where are you, maiden?
Where are you, my beautiful one?
Maybe you have deserted your beloved friend,
Your beloved friend,
Your dearest?

A dark cloud
Has hidden the little star,
The cold earth
Has taken the maiden.

Nikolay Grekov

10 НОЧЬ

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.

NIGHT

My voice, gentle and languorous for you,
Disturbs the late silence of the dark night.

МЕЛОДИЯ

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

12 ПО-НАД ДОНОМ САД ЦВЕТЁТ

По-над Доном сад цветёт,
Во саду дорожка;
На неё я бы всё глядел,
Сидя у окошка...
Раз по ней под вечерок
Маша проходила,
Не забыть мне никогда,
Как она вздыхала!
Как с улыбкою любви
Робко отвечала...
Из кувшина в забыты
Воду проливала...
По-над Доном сад цветёт,
Во саду дорожка...

Алексей Кольцов

BY THE DON A GARDEN BLOOMS

By the Don a garden blooms,
And in the garden is a path;
I would love to gaze on it,
Reclining, from the window...
There, one evening,
Masha walked by.
I will never forget
How she sighed!
How, with a loving smile,
She timidly replied...
And how, in her distraction,
Water poured from the jug...
By the Don a garden blooms,
And in the garden is a path...

Alexey Koltsov

Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перила
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Александр Пушкин

The murmur,
The rushing
Of the Guadalquivir.

Let slip your mantilla, my beloved angel,
And show yourself as bright as the day!
Let your divine little foot
Appear through the iron balustrade!

The night zephyr
Stirs the air.
The murmur,
The rushing
Of the Guadalquivir.

Alexander Pushkin

13 ИСПАНСКИЙ РОМАНС

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.

SPANISH ROMANCE

The night zephyr
Stirs the air.
The murmur,
The rushing
Of the Guadalquivir.

Now a golden moon has risen,
Hush... there ... the sound of a guitar...
Now a young Spanish maiden
Leans on her balcony.

The night zephyr
Stirs the air.

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг –
И мы в борьбе природой целой
Покинуты на нас самих.

INSOMNIA

The monotonous battle of the hours,
The tedious tale of the night!
This language is equally unfamiliar to us all
And as clear to each of us as a conscience!

Which of us amidst the universal silence
Could hear without melancholy
The desolate laments of time,
With its prophetic voice of farewell?

It seems to us: an irresistible Fate
Has struck the orphaned world -
And we, in battle, by all of nature
Have been abandoned to ourselves.

14

МЕЛОДИЯ

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

Фёдор Тютчев

And our life stands there before us
Like a ghost on the edge of the world,
And with our age and with our friends
Fades into the gloomy distance...
And a new, young tribe
Has burst forth in the sunlight,
And we, our friends and our times
Are now but distant oblivion!

Yet now and then a mournful ceremony
Performed in the midnight hour
With a sepulchral voice of iron
Bewails our fate!

Fyodor Tyutchev

Которое наполнит собою весь мир,
И наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою,
Как ласка. Я верую, верую...

Антон Чехов

kindness / That fills the whole world,
And our life will become as quiet, as tender,
as sweet / As a caress. I believe, I believe...

Anton Chekhov

ПОРА

Пора! Явись, пророк! Всей силою печали,
Всей силою любви зываю я к тебе!
Взгляни, как дряхлы мы, взгляни, как мы
устали,
Как мы беспомощны в мучительной борьбе!
Теперь – иль никогда!.. Сознание умирает,
Стыд гаснет, совесть спит.
Ни проблеска кругом,
Одно ничтожество свой голос возвышает...

Семён Надсон

IT IS TIME

It is time! Show yourself, prophet! With all the
strength of sadness
And all the strength of love I appeal to you!
Look how weakened we are, how weary,
How helpless in our agonising struggle!
It's now – or never!.. Consciousness dies,
Shame fades, conscience sleeps.
Not a glimmer of light is around,
Only nothingness raises its voice...

17

15 ВСЁ ОТНЯЛ У МЕНЯ

Всё отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему ещё молиться мог.

Фёдор Тютчев

A VENGEFUL GOD HAS TAKEN
EVERYTHING FROM ME

A vengeful god has taken everything from me:
Health, strength of will, air, sleep,
He has left me only you,
So that I may still worship him.

Fyodor Tyutchev

16 МЫ ОТДОХНЁМ

Мы отдохнём! Мы услышим ангелов,
Мы увидим всё небо в алмазах,
Мы увидим, как всё зло земное,
Все наши страдания потонут в милосердии,

WE WILL REST

We will rest! We will hear angels,
We will see the whole sky in diamonds,
We will see how all earthly evil,
And all our suffering will drown in the loving

МЕЛОДИЯ

ТРЕКИ 1-3: ЗАПИСЬ 1994 Г. ИЗ АРХИВА АЛЕКСАНДРЫ ДУРСЕНЕВОЙ
ТРЕКИ 4-17: ЗАПИСЬ 2014 Г., ЗВУКОРЕЖИССЕР ЗАПИСИ АЛЕКСАНДР МИХЛИН

РЕДАКТОР – ДМИТРИЙ МАСЛЯКОВ. МАСТЕРИНГ – АЛЕКСАНДР МИХЛИН. ФОТО И КОЛЛАЖ – СЕРГЕЙ ТАБУНОВ.
ДИЗАЙНЕР – ЕЛЕНА ФРОЛОВА. ИЛЛЮСТРАТОР – ПАВЕЛ ГРИШИН.
ПЕРЕВОДЧИКИ – НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ (СТАТЬИ), ШЕЙЛА СИМ (ЛИРИКА).
ЦИФРОВОЙ РЕЛИЗ – РОМАН ТОМЛЯНКИН, АЛЛА КОСТРЮКОВА.

TRACKS 1-3: RECORDED IN 1994, FROM ALEXANDRA DURSENEVA PRIVATE ARCHIVE
TRACKS 4-17: RECORDED IN 2014, SOUND ENGINEER ALEXANDER MIKHLIN

EDITOR: DMITRY MASLYAKOV. MASTERING ENGINEER: ALEXANDER MIKHLIN. PHOTO AND COLLAGE: SERGEY TABUNOV.
DESIGN: ELENA FROLOVA. ILLUSTRATOR: PAVEL GRISHIN.
TRANSLATION: NIKOLAY KUZNETSOV (ARTICLES), SHEILA SIM (LYRICS).
DIGITAL RELEASE: ROMAN TOMLYANKIN, ALLA KOSTRYUKOVA.

ВНИМАНИЕ! ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ (КОПИРОВАНИЕ), СДАЧА В ПРОКАТ, ПУБЛИЧНОЕ
ИСПОЛНЕНИЕ И ПЕРЕДАЧА В ЭФИР БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.
ФГУП «ФИРМА МЕЛОДИЯ». 123423, МОСКВА, КАРАМЫШЕВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, Д. 44, INFO@MELODY.SU.

WARNING: ALL RIGHTS RESERVED. UNAUTHORISED COPYING, REPRODUCTION, HIRING, LENDING, PUBLIC PERFORMANCE AND
BROADCASTING PROHIBITED. LICENCES FOR PUBLIC PERFORMANCE OR BROADCASTING MAY BE OBTAINED FROM FSUE "FIRMA
MELODIYA", KARAMYSHEVSKAYA NABEREZHNYAYA 44, MOSCOW, RUSSIA, 123423, INFO@MELODY.SU.
IN THE UNITED STATES OF AMERICA UNAUTHORISED REPRODUCTION OF THIS RECORDING IS PROHIBITED BY FEDERAL LAW AND
SUBJECT TO CRIMINAL PROSECUTION.

© РАО, 2014. © ООО «НАЦИОНАЛЬНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ПО ЛИЦЕНЗИИ BOOSEY & HAWKES MUSIC PUBLISHERS LTD, 2014. © АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА, 2014.
ФГУП «ФИРМА МЕЛОДИЯ», 2014.

WWW.MELODY.SU

RUSSIAN SONGS

Alexandra
Durseneva

VLADIMIR SLOBODYAN, *piano*
LYUBOV ORFENOVA, *piano*